

Рецензии

НИКОЛАЙ И. РУДЕНКО

Социологический институт РАН (филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН), Санкт-Петербург, Россия

Там, где STS встречается цифру: методология, эксперименты и партиципация.

*Рецензия на книгу: Marres N. (2017)
Digital Sociology: The Reinvention
of Social Research, Cambridge:
Polity Press*

doi: 10.22394/2074-0492-2018-3-201-209

201

Нортъе Маррес — доцент Центра междисциплинарных методологий в Университете Уорик. Она получила степень PhD в университете Амстердама и Парижской горной школе по социологии и философии науки и технологий под руководством Жерара де Вриса и Бруно Латура. В STS Маррес известна в основном сво-

Руденко Николай Иванович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН (филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН), научный сотрудник Центра исследования науки и технологий ЕУСПб. Научные интересы: исследования науки и технологий, социология города, социология культуры, цифровая социология. E-mail: nckrd@mail.ru

Nikolay I. Rudenko — PhD, senior research fellow in Sociological Institute of Russian Academy of Sciences (branch of Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian academy of science), research fellow in STS center, EUSPb. Research interests: science and technology studies, urban sociology, sociology of culture, digital sociology. E-mail: nckrd@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 17-78-20164) «Социотехнические барьеры внедрения и использования информационных технологий в современной России: социологический анализ».

Acknowledgements: The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project of the Russian Science Foundation No. 17-78-20164) «Sociotechnical barriers to the introduction and use of information technologies in modern Russia: a sociological analysis».

ей работой, посвященной тому, как материальные вещи помогают людям участвовать в политике [Maggs 2015]. Она также была исследовательницей, которая породила идеи Бруно Латура о научно-технических контроверзах с идеями прагматических политических теоретиков Джона Дьюи и Уолтера Липпмана¹ [Maggs 2007]. Ее предыдущая книга «Материальное участие: технологии, среда и повседневная политика» вышла в 2012 году. Однако, помимо этой темы Маррес также занимается цифровой социологией, исследует обсуждение проблем в цифровом пространстве, работает над построением методологии «картографирования контроверз» (controversy mapping), читает курс лекций по цифровой социологии для аспирантов Университета Уорик. Результатом ее работы за эти годы стала книга «Цифровая социология», которая вышла в мае 2017 года.

202

Если коротко передать идею книги, то это можно сделать следующим образом. Возьмем некоторую общую фразу, которая описывает суть социологического исследования в цифровой сфере: «Социологи используют методы, появившиеся благодаря цифровым технологиям, чтобы исследовать цифровые платформы и получить знание об обществе для целей его познания или реализации прикладных задач». Если прочитать эту фразу до чтения книги Маррес, то она вряд ли вызовет недоверие. В целом, действительно, сегодня множество социальных ученых, и даже студентов обращаются к цифровым методам сбора и анализа данных из социальных сетей и интернета, чтобы получить некоторое новое знание о том, как устроено общество. Однако после прочтения книги Маррес почти каждое слово в этой фразе покажется проблематичной. Дело в том, что Маррес вступает в полемику с существующими практиками анализа цифровых данных, которые она связывает с «дата-наукой» (data science) и «вычислительной наукой» (computing science). По ее мнению, последние нерелексивно используют существующие методы цифровых исследований, не адаптируя их к целям социологии. «Большая часть проектов вычислительных социальных наук просто рассматривает как нечто само собой разумеющееся онтологии, эпистемологии и методологии, которые вшиты в платформы, программные наборы и инструменты, которые они используют, чтобы собирать, анализировать и визуализировать данные, не задаваясь вопросом, насколько последние вообще подходят для

1 Внятное изложение идей Маррес в отношении связи прагматической философии и STS, а также применение этих идей к обновлению акторно-сетевой теории можно найти в недавней кандидатской диссертации Сергея Астахова [Астахов 2017], который в ходе работы над диссертацией проходил стажировку у Маррес.

их исследования» [р. 178]. Например, она отмечает, что большинство исследований цифровых платформ обращаются к методу анализа социальных сетей (social network analysis) просто в силу доступности и данных, и инструмента.

Если у дата-ученых приведенная в начале предыдущего абзаца фраза не вызовет сомнений, то у цифровых социологов, к которым Маррес причисляет и себя, каждое слово нуждается в пересмотре или уточнении:

— *Социологи.* Хотя Маррес на протяжении всей книги пытается говорить именно о цифровой социологии (а не антропологии или истории), она отмечает междисциплинарный характер исследований в этой сфере: социологи должны учиться программировать, но не для того, чтобы некритично перенимать метрики и алгоритмы, а для того, чтобы рефлексивно использовать их в задач своих исследовательских проектах.

— *Методы.* Маррес отмечает, что активное использование цифровых методов в социальных исследованиях начинают оказывать на сами исследования «форматирующий» эффект. «Завороженность» методами приводит к тому, что другие элементы социального исследования (постановка проблемы, цель, теоретическая рамка, социальный эффект) уходят в тень, что на ее взгляд, не верно (с. 78-79). Кроме того, слишком большое внимание к методам приводит к тому, что теряется широта воображения исследователя и творческий характер его работы. В качестве альтернативы Маррес предлагает рефлексивную методологию, которая позволила бы поочередно фокусироваться на всех элементах исследования, а не опираться только на возможности компьютерных алгоритмов.

— *Цифровые платформы.* Цифровые платформы сегодня — богатое поле для сбора данных о коммуникативном поведении пользователей. Но что они говорят об обществе? Можно ли говорить, что, изучая платформы, мы изучаем общество? Дело не только в проблеме репрезентативности (репрезентируют ли социальные сети общество?), но и в том, что цифровые платформы меняют общество, открывая пространство для новых практик, которые определены технологически, но реализуются членами общества.

— *Знание об обществе.* В традиционных социологических исследованиях ученые с помощью различных методов собирали данные об обществе, аккумулировали его и превращали в знание, которое затем распространялось в самом обществе или делалось доступным для бизнеса, государства или НКО. Затем последние принимали решение, как им действовать в контексте полученного знания. Цифровые технологии изменили этот режим. Знание о некоторой «популяции» в социальной сети и практиках их поведения может

в режиме реального времени встраиваться в алгоритмы, которые регулируют эти самые практики. В качестве примера можно привести алгоритм выдачи постов в социальной сети Facebook. На основе прочитанных сообщений, лайков и перепостов пользователя, а также на основе аналогичных предпочтений его друзей, алгоритм этой социальной сети выводит новые посты. Иными словами, данные о прошлом поведении непосредственно и в реальном времени влияют на настоящее. При этом знание о социальном поведении находится вовсе не в руках социологов; им распоряжаются разработчики цифровых платформ, которые делятся этим знанием ради получения прибыли.

— *Цели познания или реализации прикладных задач.* Доступность данных о социальном поведении вышла за рамки социальных исследований, также изменились и цели использования этих данных. Теперь возможна ситуация, когда знания в удобном формате распространяются для самих же людей внутри социальных сетей, и приводят к тому, что они начинают строить свои стратегии поведения на основе этих знаний. Например, пользователь «Кинопоиска» или «Лайвлиб» может выбрать фильм для просмотра или книгу для чтения на основании рейтинга, который создан усилиями других участников платформ. Существующие бесплатные проекты позволяют выкачивать большие объемы данных по разным параметрам и выкладывать их в открытый доступ. В итоге возникает пространство интерактивности, где пользователи, бывшие пассивными объектами исследовательского интереса, могут экспериментировать с данными и, как итог, изменять свое поведение в соответствии с этими экспериментами [р. 190].

204

Как мы видим, практически все слова в знакомой фразе оказались проблематичными. Автор рассматриваемой книги ставит своей целью не столько ответить на вопрос, какой должна быть цифровая социология, но, скорее, картографировать существующие контroversы, оставив открытым пространство возможностей для исследователей. Вероятно, поэтому названия глав сформулированы в виде вопросов («Нужны ли нам новые методы?», «Что делает цифровые технологии социальными?» и т. д.). Сами главы строятся по одному сценарию: проблема — поиск ответов — попытка найти самый креативный и критический из них — заключение, где рассматриваются ситуативные и контекстные решения.

В целом, с рассмотренными проблемами сталкивается сегодня любой исследователь цифровых платформ. В первой главе Маррес касается вопроса, что считать «цифровым» сегодня; что делать социологам с интерактивностью цифровых технологий, и как, наконец, преодолеть проклятие, которое висит над социологами и заставляет их обращать пристальное внимание на технологическое

измерение своих исследований. Во второй главе Маррес проблематизирует понятие социального внутри цифровых технологий. С приходом цифры понятие социального и его дериватов становится все более двусмысленным. Возникает проблема, как работать с новыми социальными образованиями и практиками, как думать о цифровой публике, и насколько алгоритмы работы с этой публикой являются новыми для социологов? Третья глава посвящена методам, и здесь Маррес рассказывает о дебатах между изначально цифровыми методами и старыми методами, которые нужно поместить в цифровое пространство. Автор отмечает, что на вопрос о нужности новых методов нужно отвечать и да, и нет, поскольку современные цифровые методы не такие уж и новые, но при этом используются они в совершенно иной среде. В четвертой главе Маррес ставит проблему смещений (biases), которые существуют в цифровых технологиях. Разные цифровые платформы продвигают свой характер подобных смещений: например, свежие новости в Twitter, сиюминутный и ориентированный на ситуацию характер общения в Twitch, важность предпочтений друзей в Facebook. Маррес отмечает, что для многих исследователей проблема смещений — это проблема необъективности, которую нужно решить, но для нее — это, в той же мере, возможность креативно подойти к динамике социальной жизни. Пятая глава посвящена проблеме цифровых публик. Маррес отмечает, что цифровые технологии дают возможность проявлению партиципаторности и превращению цифровой публики в субъекты и полноправных участников исследований социального поведения. Но на деле все оказывается иначе: партиципаторность и участие рассматриваются многими исследователями как искажения, и дата-ученые предпочитают работать с «пассивными» цифровыми данными, полученными как побочный продукт цифровых практик. Маррес стремится противодействовать этой тенденции и отмечает важность задействовать возможности цифровых технологий, чтобы делать социальные исследования вместе с людьми, а не за их спиной. Наконец, завершающая, шестая глава посвящена вопросу, есть ли у цифровой социологии проблемы. Это звучит иронично, поскольку, как было показано, все пять предыдущих глав изобилуют проблемами, для многих из которых еще нет решения. Однако в шестой главе Маррес обращается к вполне конкретным проблемам: проблемам эпистемологическим.

Она отмечает, что многие критические работы сфокусированы на политических, экономических, этических проблемах социальных сетей, однако мало исследователей обращаются к проблемам познания цифровой публики. Вопрос познания приобретает у Маррес не только эпистемологический, но и онтологический характер

(что свойственно для современных STS): кого мы включаем, а кого исключаем в новой цифровой онтологии. Могут ли алгоритмы, боты, фейковые аккаунты быть объектами социального исследования, или они — помехи в исследовании цифровых практик людей? В итоге Маррес предлагает делать подобные вопросы основанием для исследования и конвенционального определения в сообществе цифровых социологов, а не заимствовать эпистемологию и онтологию из цифровых инструментов. Это возможно, по мнению Маррес, если представить цифровые исследования не как готовые «черные ящики», а как незавершенные эксперименты, в которых интерактивно, творчески и критически задействуются возможности цифровых технологий.

Поскольку книга Маррес обширна, претендует на проблематизацию практических всех аспектов цифровых исследований и даже выдвигает собственную альтернативу, основанную на экспериментальности в отношении исследовательских проектов, то в рецензии невозможно обойтись без критики. Я бы выдвинул три критических замечания: содержательное, стилистическое и «экономическое».

206

Содержательное замечание относится к идее Маррес, высказанной в второй главе, где автор показывает, как находить социальное в цифровых технологиях. Один из продемонстрированных вариантов — это акцент на практики использования цифровых технологий, который делают, например, Люси Сачмен, Кристин Хайн, Кристиана Ликоппа. Для Маррес подход, подразумевающий глубокое внимание к ситуативным аспектам пользования и основанный на теориях практик 1980-х годов, устарел. Это произошло потому, что сегодня цифровые технологии способны считывать контекстуальные характеристики ситуации, а также неформальные свойства повседневной жизни, что позволяет получить к ним доступ не только социологам практик, но и, например, компьютерным исследователям. Отдельной проблемой для «социологов повседневности» является вопрос мульти-контекстуализма, который ставят цифровые технологии. На мой взгляд, несмотря на то, что подобная критика в отношении исследования социальных практик оправдана, Маррес в ней достаточно слаба. В качестве аргумента она указывает, что цифровые технологии способны реконструировать контекст, опираясь на опыт и логику пользователей. На мой взгляд, реконструированный контекст на основании предыдущего опыта — это не контекст практического взаимодействия, поскольку в первом случае речь идет о том, чтобы воссоздать похожую ситуацию на основании формальных показателей (количество лайков, длительность просмотра или прослушивания, положение тела), но практическая ситуация включает в себя всегда такое огромное

количество характеристик, которые невозможно перевести в формальные показатели. Более того, аргумент о фоновом характере практик [Волков, Хархордин 2008] демонстрирует нам, что многое в практиках остается вне внимания пользователя и считывающей программы, поэтому воссоздать практику невозможно. В то же самое время социологи практик достаточно плодотворно работают с проблемой переключения между различными контекстами, одни из которых становятся фоновыми, другие — напротив, выходят на первый план [Глазков 2018].

Второе замечание касается стиля. Несмотря на то, что ко времени чтения книги Маррес я уже был знаком с рядом работ, которые она цитирует, и со многими ее статьями, где выражались ее идеи, довольно сложно понять ее аргументацию. Одна из причин — это быстрые переключения Маррес от очень конкретных эмпирических проблем, например, сбора хештегов из Twitter, к абстрактным идеям, например, важности эксперимента в социальных исследованиях. Для правильного понимания аргумента автора необходимо разбираться и в теоретических спорах в рамках цифровой социологии, и в особенностях построения алгоритмов, которые работают с цифровыми платформами. На взгляд рецензента, это слишком высокое требование для читателя. И это приводит к тому, что часть аргументации остается не до конца понятной.

207

Наконец, третье замечание касается своеобразной «экономики» цифровой социологии, предлагаемой Маррес. Нет сомнения, что сегодня исследователи и маркетологи зарабатывают большие деньги на анализе данных сайтов и социальных сетей. Необходимость быстро собирать и анализировать данные, не задумываясь об онтологических и методологических тонкостях, является понятной рутинной для многих цифровых исследователей. Маррес предлагает подход, который порывает с этой практикой и возвращает методологическую рефлексию, партиципаторность, экспериментальность в социологические исследования. Возникает вопрос, каким образом ее подход может найти себе место среди существующих практик работы с цифровыми данными? И каким образом он может встроиться в прикладные исследовательские проекты? Может ли благодаря ему возникнуть новый рынок более экспериментальных, утонченных и рефлексивных исследований? Может ли появиться индустрия партиципаторных цифровых исследований? Эти вопросы пока остаются открытыми.

Резюмируя, работа Маррес ставит проблему «осознанности» в использовании цифровой методологии. Автор ставит под вопрос все пункты позитивистско-ориентированных цифровых социальных исследований и предлагает креативный, критический подход. Важен акцент на неразрывном характере цифровых технологий

и социальных отношений, и их взаимосвязь следует изучать экспериментально. В итоге работа представляется ценной для всех, кто занимается цифровыми исследованиями, неважно — прикладными, академическими или партиципаторными.

Для исследователей науки и технологий эта книга — повод выйти за рамки «зоны комфорта» и попытаться применить STS-рефлексивную чувствительность к методологии исследования и онтологии цифрового мира.

Библиография

Астахов С.С. (2017) *Проблема контингентности в акторно-сетевой теории*. Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. М.

Волков В.В., Хархордин О.В. (2008) *Теория практик*. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Глазков К.П. (2018) Механизмы соблюдения приличий в геолокационных играх. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (143): 36-59.

Marres N. (2007) The issues deserve more credit: Pragmatist contributions to the study of public involvement in controversy. *Social studies of science*, 37 (5): 759-780.

Marres N. (2015) *Material participation: technology, the environment and everyday publics*. London: Palgrave Macmillan.

208

References

Astahov S.S. (2017) *Problema kontingentnosti v aktorno-setevoj teorii* [A problem of contingency in actor-network theory]. Dissertacija na soiskanie stepeni kandidata filozofskih nauk. M.

Glazkov K.P. (2018) *Mehanizmy sobljudenija prilichij v geolokacionnyh igrah* [A mechanism of decencies in the geolocation games]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1 (143): 36-59.

Marres N. (2007) The issues deserve more credit: Pragmatist contributions to the study of public involvement in controversy. *Social studies of science*, 37 (5): 759-780.

Marres N. (2015) *Material participation: technology, the environment and everyday publics*. London: Palgrave Macmillan.

Volkov V.V., Harhordin O.V. (2008) *Teorija praktik* [The theory of practices]. SPb: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Руденко Н.И. (2018) Там, где STS встречается цифру: методология, эксперименты и партиципация. Рецензия на книгу: Marres N. (2017) *Digital Sociology: The Reinvention of Social Research*. Cambridge: Polity Press. *Социология власти*, 30 (3): 201-209.

Rudenko N.I. (2018) Where STS Meets the Digital: Methodology, Experiments, and Participation. Book Review of Marres N. (2017) Digital Sociology: The Reinvention of Social Research, Cambridge: Polity Press. *Sociology of Power*, 30 (3): 201-209.

Поступила в редакцию: 29.08.2018; принята в печать: 22.09.2018